

Е. П. Блаватская

ТАУ-ТРИАДЕЛЬТА Африканская магия

Прежде чем мы перейдем к теме оккультного искусства, которое практиковалось на Западном побережье Африки, было бы неплохо сначала разобраться в том, что подразумевается под слишком затертым термином — "магия".

В обиходе это слово используется во многих значениях; в прошедшие века им объясняли буквально все, что было "непонятно простому обывателю". Мы ограничимся его определением, как — знание основных законов природы, которые не только неизвестны ученым Европы и Америки, но о которых последние даже не подозревают.

Общепризнанный факт, что нет такого закона природы, который можно было бы, хотя бы единожды, отменить. Исходя из этого нам кажется просто случайностью, когда, например, такой незыблемый закон, как земное притяжение, оказывается попраным, но все же мы должны признать, что могут быть и другие законы, пока еще неизвестные западной науке, способные не только не укладываться в действие известного закона, но и приостанавливать его.

Знание этих сокрытых законов как раз и есть то, что мы понимаем под термином оккультная наука, или магия. *И нет другой магии, кроме этой*, и никогда не было ни в одном из периодов мировой истории. Все так называемые "чудеса" давно минувших времен и по сей день могут воспроизводиться, и воспроизводятся, магами, когда того требуют обстоятельства. Действие магии имеет чисто научное объяснение, и его нельзя смешивать с любого рода фокусами и надувательством.

Существуют различные школы магизма, которые развиваются и действуют в совершенно различных направлениях. Ведущие из них, чью философию все остальные берут за основу — это индусская, тибетская, египетская (включая арабскую) и обеах, или вуду. Последняя из вышеперечисленных всецело и по сути своей противостоит всем предыдущим: ее корни и основа лежат в некромантии, или "черной магии", тогда как три другие действуют или посредством того, что специалистам известно как "белая магия", или, в большинстве случаев, при помощи психологического воздействия на наблюдателя. Опытный оператор может психологически воздействовать на целую толпу зрителей, которые, обладая своими обычными способностями, могут видеть и чувствовать любую вещь, какую он захочет. Скорее всего, именно таким образом пара заезжих факиров дает свое представление по месту вашей работы или во время отдыха в саду вашего бунгало. Они сооружают небольшой шатер и просят вас назвать любое животное, которое вы бы хотели видеть появившимся оттуда. Зрители попеременно называют множество различных животных, и в каждом случае заказанный экземпляр, будь это безобидный терьер или хищный тигр, появляется из-за полога шатра и неспешно удаляется до тех пор, пока не скрывается за углом. И так, это просто "психологический метод", как, впрочем, и большинство прославленных трюков индийских факиров, таких как "фокус с корзиной", "манговое дерево",

подбрасывание веревки в воздух, которая, поднявшись вверх, останавливается и висит в пространстве, и многое-многое другое, что для каждого англичанина, живущего в Индии почти так же обыденно, как "слова, произносимые каждый день".

Различие между этой школой и школой вуду, или обеих, весьма велико, так как первые добиваются своей цели путем обмана, или иллюзии. Наблюдатель видит не то, что происходит *на самом деле*, а то, что подсказывает его воображение: его разум просто находится под внушением оператора, чем и достигается результат. Но в африканской магии все происходит наоборот: наблюдатель видит только то, что реально имеет место, и то, что вызвано "черной магией", он не видит. Сила, используемая африканскими некромантами, оказывает не психологическое воздействие, но дьявольское.

Белые маги, как правило, властвуют над низшими духами, которых они используют для выполнения различных своих поручений; так же они прибегают для осуществления своих намерений к помощи могущественных и благотворных некто. Но это не одно и то же. Белый маг контролирует вредоносных по природе духов, которые становятся его рабами, и принуждает их выполнять его благотворные замыслы. Некромант же, или приверженец черной магии, напротив, оставляет злого духа, который находится у него в подчинении, таким, каков он есть.

В то время как философия белого мага требует от него соблюдения принципов величайшей чистоты и практического воплощения каждой добродетели, а так же чрезвычайного подчинения и безупречного контролирования всех желаний и потребностей, как ментальных, так и физических, в результате чего он должен стать воплощенным интеллектом, абсолютно очищенным от всех человеческих слабостей и пороков, — некромант требует от своего адепта надругательства и унижения человеческой природы всеми возможными способами. Наименьшее злодеяние, необходимое черному магу для достижения власти — это ритуальное убийство, или жертвоприношение заранее заготовленной человеческой жертвы. Неискушенный человеческий разум вряд ли сможет вместить, или хотя бы представить даже десятую часть тех ужасов и зверств, творимых на самом деле женщиной-обеих.

И все же, несмотря на страшную, невыразимо ужасную, цену — их сила вполне реальна. В этом невозможно ошибиться. Каждый, даже самый захудалый, вождь на Западном побережье пользуется услугами "заклинателя дождя". Среди путешественников и миссионеров вошло в моду осмеивать и отрицать силу этих людей. Но, тем не менее, они владеют этой силой и действительно используют ее для вызывания урагана, дождя, ветра и молнии. Вопреки общепринятому мнению, что дикарь невежествен и жесток, у него все же могут быть недюжинные природные способности, и, собственно говоря, то же самое невежество заставляет некоторых людей не верить в то, что они могут проверить: разве мог бы "заклинатель дождя" продержаться в течение года, не подтверждая, по требованию вождя, свою силу. Неудача для него означала бы просто — смерть. И нелепая гипотеза о том, что они якобы используют свою способность предсказывать перемену погоды и вызывают лишь те атмосферные явления, которые и без того

неминуемо должны были произойти, — лишена всякого смысла и является лишь уловкой миссионеров. Местные вожди, подобно любому туземцу, способны определить приближение перемены погоды за много часов до того, как она наступит. И не кажется ли по меньшей мере странным, что вожди, посылая за заклинателем дождя, одаривают его скотом, причем в количестве, которого ему хватит на год, и это помимо жен и других предметов роскоши, если вызов дождя является заурядным явлением?

Я хорошо помню свое первое впечатление от этих колдунов. В течение многих недель не было дождя, несмотря на то, что был период дождей. Посевы маиса погибали от засухи; по все местности резали скот; женщины и дети умирали сотнями; воины находились в таком же плачевном положении и были похожи на скелеты. День за днем солнце выжигало землю, подобно раскаленному медному шару. Не было ни одного облака, за которое оно могло бы спрятаться хоть на миг, и вся природа увядала в этом огненном горниле. Неожиданно вождь племени приказал бить в барабан, на звук которого поспешно собрались все воины. Он объявил о прибытии двух знаменитых заклинателей дождя, которые незамедлительно приступят к преодолению бедствия. Старший из этих двоих был чахлый, кривоногий, низкорослый мужчина, его седеющие волосы были сальные и грязные, и их не украшали перья. Второй был более приятный субъект сусунской расы, но с очень угрюмым выражением лица. Сидящие на корточках негры образовали большой круг, собравшиеся — по какой-то им одним известной причине — были вооружены до зубов, вождь находился в центре круга, заклинатели дождя — напротив него, они начали свое колдовское действо. Солнце было в зените. То один, то другой пристальный взор обшаривал горизонт, но не было ни малейшего намека на появление облака. Вскоре старик упал на землю и забился в конвульсиях, похожих на эпилепсию, его товарищ встал у его ног, указывая обеими руками на раскаленное небо. Все взгляды устремились вслед за его жестом в поисках точки, на которую были направлены его руки, но ничего не было видно. Неподвижный как каменная статуя, он стоял, приковав взор к небу. Не прошло и минуты, как на совершенно чистом небе образовалось едва заметное странное пятнышко, отливавшее медью. В следующую минуту оно стало темнеть, увеличиваясь в размерах, и буквально на глазах превратилось в черное облако, которое очень скоро закрыло все небо. Быстро стемнело. Еще минута, и наступившие сумерки прорезала яркая вспышка молнии, на иссушенную землю хлынули потоки воды. Этот ливень запомнился надолго. В течение двух суток дождь хлестал как из ведра, казалось, он все смое с лица земли.

После того как вождь отпустил заклинателей дождя, одарив их скотом и дорогими подарками, я пробралась в хижину, в которой они находились, и всю ночь напролет провела в беседе, расспрашивая магических искусников. Это была обычная тростниковая хижина диаметром в сорок футов, плетеные стенки которой прочно держались на деревянных сваях, глубоко вогнанных в землю; конусообразная крыша была настолько плотной, что ни капли дождя не проникало во внутрь. В конце концов я уговорила их продемонстрировать мне парочку своих трюков. Они завели заунывную песню, или, вернее, длинное неразборчивое заклинание, и по прошествии нескольких минут младший из них подпрыгнул, словно его подбросила вверх некая скрытая пружина, и завис под самым

потолком, свободно паря в воздухе. Яркий свет от большого костра в центре хижины освещал все вокруг до мельчайшей детали, поэтому я встала и подошла поближе, чтобы хорошенько разглядеть человека, парящего в трех футах от земли, — не было ни малейшего сомнения в его левитации. Потом он подплыл к сплошной стене и просочился сквозь нее наружу. Я стремительно рванулась к дверному проему, расположенному в противоположной стороне, и обежав хижину, огляделась по сторонам. Я увидела светящуюся фигуру, которая была похожа на человека, натертого фосфорным маслом; но мне хотелось поскорее укрыться от потоков нескончаемого дождя. Когда я вернулась в хижину, там находился только старик. Я тщательно обследовала стену, но не нашла никакого отверстия. Старик ни на минуту не прекращал своего монотонного пения, и вскоре в хижине снова появился его товарищ, по-прежнему парящий в воздухе. Он медленно опустился на пол, и я увидела его темную кожу, блестящую от дождя. Лохмотья, служившие ему одеждой, были такие мокрые, хоть выжимай.

Настала очередь старика, который для демонстрации своих феноменальных способностей несколько раз мгновенно исчезал и неожиданно появлялся вновь; причем в результате этих таинственных исчезновений он оказался таким же насквозь промокшим, как и его молодой спутник.

Дальнейшее представление было еще более захватывающим. Следуя указаниям старика, мы расположились вокруг костра таким образом, чтобы каждый из нас сидел в точке, являющейся вершиной воображаемого правильного треугольника. Мужчины стали медленно раскачиваться в такт пению, делая в направлении огня пассы руками, как вдруг, к моему неописуемому ужасу, из раскаленных углей выползло с дюжину ядовитых змей — самых смертоносных змей во всей Африке — и, свиваясь в кольца и вставая на хвосты, закружились в своем дьявольском танце внутри хижины, непрерывно и устрашающе шипя. По команде старого колдуна они все бросились в пламя и исчезли. Затем молодой мужчина вскочил и начал описывать круги вокруг костра; оказавшись напротив меня, он упал на колени и открыл рот, из которого тут же высунулась голова ядовитой змеи. Он схватил ее и вытащил из глотки, — змея оказалась не менее трех футов длиной, — и швырнул ее вслед за другими змеями в огонь. В скором времени он вытащил семь змей, одну за другой, и точно также всех их приговорил к сожжению, переправив в костер.

Это было весьма впечатляющее зрелище, но им не терпелось узнать, каким образом они вызывают материализацию духов. К тому моменту, когда стала образовываться человеческая фигура, медленно поднимаясь из огня, колдовство продолжалось уже не менее двадцати минут. Это был мужчина преклонных лет, такой же белый человек, как и я сама, но совершенно голый. Я попыталась задать ему несколько вопросов, но ни на один из них не получила ответа. Тотчас я встала, обошла вокруг костра и внимательно оглядела его со всех сторон, обнаружив синевато-багровый рубец у него на спине. Хотя мне так и не удалось установить, кто же это был, но — из замечания, которыми обменивались мои ночные собеседники — мне показалось, что они относятся к нему с некоторой опаской, — очевидно, они рассчитывали на встречу с духом черного человека.

После появления этого неожиданного духа колдуны наотрез отказались продолжать демонстрацию этой ночью, зато на следующую ночь от их страхов не осталось и следа. Самое невероятное из того, что они мне впоследствии показали — это старинный обряд жрецов Ваала. Начав скорбное песнопение, они медленно двинулись вокруг костра (кстати говоря, огонь — всегда неотъемлемая часть действия), придерживаясь некоего ритма и в движении, и в голосовых вибрациях. Постепенно темп стал набирать силу, и они ускоряли свои движения до тех пор, пока не закружились вихрем, подобно танцующим дервишам. Причем, вращаясь в бешеном темпе вокруг своей собственной оси и вокруг костра, они еще и ухитрялись крутить над головами секирами, со свистом рассекающими воздух. С нарастанием темпа их голоса становились все выше и пронзительнее, пока не стали совершенно нестерпимыми. Потом, сохраняя синхронность в движениях, каждый из них начал рубить свою обнаженную плоть: руки, грудь, бедра, — до тех пор, пока их тела с ног по головы не покрылись глубокими ранами, на которых обильно сочилась кровь. Старик первым прекратил это сумасбродное действо и в изнеможении опустился на землю, пристально наблюдая за своим напарником, который в одиночку продолжал это безумное неистовство, пока совершенно не обессилел и не рухнул бездыханным у наших ног. Старик взял нож, просунул его лезвие в узкое горлышко калекасы и достал на его кончике какую-то дурно пахнущую мазь, которой обильно смазал каждую рану своего товарища, после чего ладонями рук энергично растер все его израненное тело.

Через какое-то время молодой человек поднялся; на его упругой черной коже не осталось ни малейшего следа от ран, нанесенных им самому себе во время вышеописанного безумства. Затем он оказал ту же самую услугу своему старшему товарищу и с точно таким же результатом. Десять минут спустя они оба забылись на циновках в сладкой глубокой дреме.

Это представление, изобилующее заклинаниями, характерными телодвижениями и плясками вокруг костра, и многими другими деталями, окончательно убедило меня в том, что если не все, то по крайней мере большая часть магических искусств Западной Африки была унаследована с тех незапамятных времен, когда Ваал был официальным богом и был повсеместно почитаем в этой части Черного Континента.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

